

О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ПЕРЕВОДА

ЛЮДМИЛА В. КУШНИНА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Гуманитарный факультет
Кафедра иностранных языков, лингвистики и перевода
Комсомольский пр., 29, 614990 Пермь, Россия
e-mail: lkushnina@yandex.ru
(получено 18.07.2015; принято 07.10.2015)

Abstract

On the cognitive mechanisms of translation

The article is devoted to the description of translation cognitive mechanisms which can be explained due to the application of anthropocentrism and cognitive studies into the translation theory. The research of cognitive mechanisms is based on the analysis of translation intellectual activity. The author's theory of harmonization of translation space is used as a methodological base of the present article. This theory describes translation as a synergetic system of sense transmission from one language or culture into another.

Key words

Translation space, cognition, synergy, translation cognitive mechanisms, human intellectual activity.

Резюме

Статья посвящена описанию когнитивных механизмов перевода, исследование которых стало возможным в результате проникновения идей антропоцентризма и когнитивистики в деятельностную концепцию перевода. Поиск когнитивных механизмов перевода осуществляется в процессе изучения интеллекту-

альной деятельности переводчика. Методологической основой статьи является авторская теория гармонизации переводческого пространства, трактующая перевод как синергетическую систему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую.

Ключевые слова

Переводческое пространство, когниция, синергия, когнитивные механизмы перевода, интеллектуальная деятельность человека.

Постановка данной проблемы обусловлена тем, что в современной лингвистике, как в фундаментальной, так и прикладной, внимание исследователей обращено к проявлениям когниции — в мышлении, в сознании, в деятельности, поэтому термин «когнитивный» образует все новые терминосочетания: когнитивная картина мира, когнитивное пространство, когнитивное сознание, когнитивная лакуна, когнитивные способности, когнитивные механизмы и пр., и даже самостоятельные научные направления: когнитивная психология, когнитивная лингвистика, когнитивное переводоведение. Можно сказать, что когнитивная наука охватила самые различные сферы жизнедеятельности человека. И если первоначально понятие «когнитивный» приравнивалось к понятию «познавательный», то в настоящее время, вслед за Еленой Самойловой Кубряковой¹, когнитивный чаще понимается как — «внутренний, ментальный, интериоризованный».

В работе мы трактуем когнитивность как универсальную полифункциональную ментальную структуру, способствующую извлечению и переработке информации, пониманию и интерпретации разнородных смыслов, транспонируемых переводчиком из одного языка и культуры в другой язык и культуру.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения принципов порождения качественного текста перевода, способного, во-первых, воссоздать в иной культуре оригинальное произведение, к какому бы жанру оно ни принадлежало; во-вторых, обеспечить континуальность текста оригинала; в-третьих, достичь взаимопонимания и взаимодействия представителей разных культур, опираясь на переводчика как субъекта, как медиатора, как активную, созидательную личность.

Как известно, в современном переводоведении различают два подхода к анализу перевода: процессуальный и деятельностный. Значимость деятельностного подхода обусловлена современной антропоцентрической парадигмой в лингвистике и теории перевода, признающей субъекта — автора, переводчика, реципиента — важнейшим звеном в исследовательской парадигме перевода. Мы обозначили выше ключевых субъектов переводческой деятельности, осоз-

¹ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. *Краткий словарь когнитивных терминов*. Под общей ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 1996.

навая, что их круг гораздо шире: это и преподаватели перевода, и студенты-переводчики, и профессиональные переводчики, и критики перевода, и заказчики/клиенты, и многочисленные читатели и слушатели — все те, кто либо создает текст перевода, либо его анализирует, либо использует для своих личностных и профессиональных целей.

Мы основываемся на авторской синергетической модели перевода, обозначенной как переводческое пространство, содержание и структура которой описаны в предыдущих публикациях². Напомним, что перевод мы трактуем как творческий синергетический процесс, который «втягивает в свою орбиту» тексты, языки, культуры, личности. В связи с этим перевод предстает сложнейшим процессом взаимодействия всех его составляющих. Механизмом этого взаимодействия является динамика гетерогенных смыслов, которые порождаются текстом, языком, культурой, личностями. Каждый компонент взаимодействия имеет свое смысловое поле, которое становится источником определенного смысла, транспонируемого переводчиком. Мы предположили, что ядром переводческого пространства является содержание текста и формируемый в нем фактуальный смысл. На периферии расположены текстовые поля — энергетическое и фатическое, в которых порождаются и транспонируются эмотивные и культурологические смыслы. К периферии относятся также поля субъектов переводческой коммуникации — автора, переводчика, реципиента, где порождаются следующие смыслы: модальный, индивидуально-образный и рефлексивный. Задача переводчика состоит в извлечении и трансляции этих смыслов, что сопровождается синергией и приращением новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. Полученный в результате творческих эмоциональных и интеллектуальных усилий текст мы назвали гармоничным, в случае неудачных действий переводчика текст становится дисгармоничным, невоспребованным потенциальным реципиентом. Именно решение этой задачи, по нашему мнению, протекает как когнитивный творческий процесс, который мы намерены изучить.

Гармонию мы рассматриваем как аксиологическую доминанту перевода, как высшую цель процесса перевода, как закономерное стремление переводящей личности к достижению качественного перевода, обеспечивающего взаимопонимание и взаимодействие коммуникантов, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам. Гармония в нашей работе — не научная метафора, но категория оценки качества перевода, предполагающая, что смыслы текстов оригинала и перевода неидентичны, но соразмерны, согласуемы друг с другом. Гармоничным мы признаем такой текст перевода, который естественным образом воспринимается иноязычными, инокультурными коммуникантами.

Поясним, что исследование гармонии как лингвопереводческой категории потребовало уточнения лингвистического механизма ее проявления. В качестве такого механизма мы предположили выявление значимости языковой еди-

² Л.В. Кушнина. *Теория гармонизации. Опыт когнитивного анализа переводческого пространства*. Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета, 2009.

ницы. Как известно, интерес к этому явлению впервые проявил Ф. де Соссюр, определив значимость как ценность элемента в составе системы. В течение долгого времени это явление было предано забвению. В новейших исследованиях значимость исследуется как в рамках одной языковой системы, так и при сопоставлении языков (И.М. Кобозева, В.Н. Манакин, Л.Н. Мурзин и др.). Как пишет В.Н. Манакин, «значимость не входит в значения, а выводится из их соотношений, т.е. представляет собой реляционный признак смыслов сопоставляемых слов, который актуализируется соотношением их лексических значений»³.

Мы приходим к выводу, что именно согласование значимостей единиц разных уровней определяет гармоничность текста перевода. Иными словами, текст перевода признается гармоничным, если переводчику удалось обнаружить изначально заложенную в слове/тексте значимость, выявить его ценностные качества, актуализировать их.

В качестве примера гармонизации значимостей, обусловившей порождение переводческой гармонии, проанализируем фрагмент кинодискурса *Мадагаскар* в оригинале и переводе:

— Just imagine going back to nature. Back to your roots. Clean air, wide — open spaces.

— Well. I hear there's wide — open spaces in Connecticut.

Connecticut?

— Только представьте себе. Назад в природу, к своим корням. Чистый воздух, широкие просторы.

— На Брайтон-Бич тоже просторы.

— На Брайтон-Бич?

Мы признаем данный перевод гармоничным, т.к. вместо малоизвестного российскому зрителю топонима Коннектикут переводчик использует *Брайтон-Бич* — название курорта, расположенного в штате Нью-Йорк, соседнего со штатом Коннектикут. Расхождения в словарном и географическом значении не помешали переводчику воспользоваться прецедентным именем, значимость которого аналогична исходному, что привело к переводческой гармонии.

Приведем другой пример. В романе М.А. Булгакова читаем фразу: *Было два часа ночи*. Французский переводчик избирает следующий вариант перевода: *Il était deux heures du matin*, что при обратном переводе означает *было два часа утра*. Как видим, несмотря на то, что французский язык располагает лексемами *nuit* — *ночь* и *matin* — *утро*, что могло бы послужить основанием адекватного перевода, переводчик гармонизирует смыслы, согласовывая их с принимающей культурой. Такой перевод мы также признаем гармоничным, а сам процесс перевода характеризуем как творческий, когнитивный, обусловленный активной деятельностью переводчика — мыслящего, созидającego субъекта коммуникации.

Когнитивные аспекты перевода являются предметом размышлений многих современных исследователей. В основе этих размышлений лежат принципы и постулаты когнитивной лингвистики.

³ В.Н. Манакин. *Сопоставительная лексикология*. Киев: Знання, 2004. с. 101.

Когнитивная лингвистика является предметом исследования отечественных ученых Николая Николаевича Болдырева⁴, Зинаиды Даниловны Поповой, Иосифа Абрамовича Стернина⁵ и др. Основы когнитивной лингвистики заложили Валерий Закиевич Демьянков и Елена Самойловна Кубрякова. Они представляют язык как когнитивный механизм, играющий решающую роль в кодировании и трансформации информации. В центре исследований когнитивной лингвистики — ментальная репрезентация знаний с помощью языка, участие языка в познании мира. Сам термин когниция обозначает процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности. Познание, в свою очередь, тесно связано со знанием. Как отмечает в своей фундаментальной работе Юрий Сергеевич Степанов *Константы. Словарь русской культуры*, концепт «знание» восходит к древнеиндийским корням, обозначающим в форме существительного «глаз умственного видения», а в форме прилагательного «обладающий умственным зрением, мудрый»⁶. В греческой культуре этот концепт выражался термином *gnosis*. В древнерусском языке соответствующий концепт обозначал «получение знаний посредством органов чувств, прежде всего, глаз» а корень «зна» обозначал принадлежность к высшей сфере, к мудрости, отсюда слово «знахарь» — «знающий человек, лекарь».

Для понимания когнитивной составляющей переводческой деятельности обратим особое внимание на ее связь с интеллектуальной деятельностью человека. Идея о связи естественного языка (ЕЯ) и естественного интеллекта (ЕИ) обсуждается в работе Надежды Константиновны Рябцевой «Язык и естественный интеллект»⁷. Как отмечает исследователь, наше представление об интеллекте существенно расширилось благодаря когнитивной психологии. Если раньше интеллект соотносили только со способностями понимать, обучаться, думать, запоминать, то когнитивные психологи включили в интеллектуальное поведение внимание, креативность, восприятие, размышление, решение задач и речь. В целом, пишет Рябцева, интеллект рассматривается как «система обработки информации и принятия решений»⁸. Ученый утверждает, что внутренний мир человека и интеллект представляют собой самый сложный объект изучения, но в связи с тем, что формирование и проявление интеллекта происходят посредством языка, изучение языка приобретает особую ценность. В языке заложено гораздо большее количество знаний, чем в явном виде вербализовано. Поэтому невербализованные знания становятся источником сведений об интеллекте. Важным свойством языка и интеллекта является их принципиальная асимметричность: «ЕИ и порожденный им ЕЯ экономят свои усилия разнообразно,

⁴ Н.Н. Болдырев. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций*. Тамбов: Издательский Дом Томского государственного университета имени Г.Р. Радищева, 2014.

⁵ З.Д. Попова, И.А. Стернин. *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007.

⁶ Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект, 2001, с. 461.

⁷ Н.К. Рябцева. *Язык и естественный интеллект*. Российская академия наук. Институт языкознания. Москва: Academia, 2005.

⁸ Там же, с. 12.

творчески и эффективно, тем самым развиваясь сами и заставляя развиваться друг друга»⁹. Ученый приходит к выводу о том, что интеллектуальная сфера неразрывно связана с другими сферами — рациональной, эмоциональной, акциональной (поведение и деятельность), социальной, культурной, коммуникативной (включающей язык и речь).

Понимание когнитивных механизмов перевода возможно при описании соотношения между интеллектуальной и деятельностной сферами личности переводчика, что соотносится, с одной стороны, с акциональным аспектом анализа, с другой стороны, с коммуникативным аспектом, поскольку мы опираемся в своих исследованиях на коммуникативно-деятельностную парадигму перевода. Решение этой задачи позволит раскрыть некоторые закономерности когнитивной составляющей перевода.

Мы приступили к изучению речевых проявлений интеллекта человека. В фокусе наших исследовательских интересов оказался уникальный текст «Упражнения в стиле» Раймона Кено¹⁰, его переводы на русский язык, а также «Новые упражнения в стиле», составленные современными российскими писателями и переводчиками Татьяной Борисовной Бонч-Осмоловской, Сергеем Николаевичем Фединым и художником-карикатуристом Сергеем Александровичем Орловым¹¹.

В чем уникальность текста оригинала? Кено использовал для своего сюжета заурядную житейскую историю, приключившуюся с пассажирами в парижском автобусе. Начальная история занимает 13 строк. Уникальность заключается в том, что история пересказана 99 раз в различных стилях, что придало ей значение литературного шедевра. Произведение Кено, созданное в 1942 году, было впервые переведено с французского языка на русский в 1992 году, затем в 2001 году. В нашем распоряжении — переводы, опубликованные в России в 2009 году. Р. Кено создает своего рода энциклопедию всех известных ему и воображаемых им стилей. Свое произведение автор назвал результатом работы и развлечения. Как отмечает в предисловии к русскому изданию один из переводчиков, «Развлечением для автора, как и для читателя Кено является сложная «умственная» литература, исполненная профессиональным образом. И она же является хитроумным развлечением, шуткой — как у Льюиса Кэрролла, Франсуа Рабле, Лоуренса Стерна»¹². Приведем заголовки некоторых историй: удивления, радуга, логический анализ, александрийский стих, сонет, вкусовое, обонятельное, осязательное, визуальное, части речи, портрет, геометрическое, и тогда, ботаническое, медицинское и пр.

Поясним, почему данный текст послужил материалом для эмпирического и теоретического анализа когнитивного аспекта переводческой деятельности. Во-первых, сам текст оригинала, представляющий собой изложение одной

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ R. Queneau. *Exercices de style*. Paris: Gallimard, 1982.

¹¹ Т.Б. Бонч-Осмоловская, И.С. Федин, С.А. Орлов. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

¹² Там же, с. 12.

и той же идеи, одной и той же ситуации разными языковыми средствами демонстрирует практически неисчерпаемые возможности человеческого интеллекта для передачи одного и того же смысла. И если автору удалось реализовать эти возможности, то его интеллектуальное поведение мы можем уподобить действиям переводчика, для которого внутриязыковая вариативность становится источником создания множества разнообразных текстов, отражающих его индивидуальное видение текста оригинала, его индивидуально-образный смысл, который формируется в поле переводчика. Во-вторых, наличие нескольких переводов одного и того же текста оригинала на разные языки создает широкий веер новых смыслов с точки зрения межкультурного взаимодействия. В-третьих, появление новых переводов одного и того же текста в рамках определенной культуры, в данном случае, в русской культуре, способствует расширению сферы межкультурного взаимодействия. И наконец, создание переводчиками собственных текстов по ассоциации с текстами оригинала и собственных переводов отражает не только их творческую индивидуальность, но позволяет проанализировать глубинные когнитивные процессы, которые управляют интеллектуальной, эмоциональной, акциональной, культурной, социальной, коммуникативной видами деятельности человека.

Переходим к сопоставительному анализу. Обратимся к одной из 99 историй, рассказанных писателем-виртуозом.

Larc-en-ciel

Un jour je me trouvai sur la plate-forme d'un autobus violet. Il y avait là un jeune homme assez ridicule: cou indigo, cordelière au chapeau. Tout d'un coup, il proteste contre un monsieur bleu. Il lui réproche notamment, d'une voix verte, de le bousculer chaque fois qu'il descend des gens. Cela dit, il se précipite, vers une place jaune, pour s'y asseoir.

Deux heures plus tard, je le rencontre devant une gare orange. Il est avec un ami qui lui conseille de faire ajouter un bouton à son pardessus rouge¹³.

Радуга

Однажды в фиолетовом мареве жары я ехал в автобусе. Там был молодой человек весьма забавного вида: синюшная шея, шнурок на шляпе. Вдруг он на голубом глазу принялся катить бочку на некоего господина. Он упрекал его, в частности, что тот, каждый раз, когда пропускал пассажиров, толкал этого зеленого юнца. Излив душу. Он заметил, что впереди зажелтело свободное место и поспешил туда.

Чуть позже, на закате, я снова встретил его перед окрасившимся оранжевым вокзалом. Он был вместе с другом, который советовал ему добавить пуговицу на красное пальто¹⁴.

Изучение текстов переводов показало, что творчество Кено послужило источником вдохновения талантливых переводчиков, которым удалось создать в своем воображении аналогичные, но далеко не тождественные образы-гештальты текста, которые действительно вписались в русскоязычную картину мира. Только в русском тексте возникли такие образы как «фиолетовое марево жары», «синюшная шея», «на голубом глазу», «катить бочку», «зеленый юнец»

¹³ R. Queneau. *Exercices de style*. Paris: Gallimard, 1982.

¹⁴ Т.Б. Бонч-Осмоловская, И.С. Федин, С.А. Орлов. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

и др., которых не было в тексте оригинала. Эти образы, а вместе с ними, и сам перевод мы можем признать гармоничными, т.к. переводчик использовал прецедентные феномены, известные носителям русского языка, что способствует успешной адаптации текста перевода к принимающей культуре.

Переводческая гармония как результат интеллектуально-эмоциональной рефлексии переводчиков над авторскими смыслами позволила им перейти на новый уровень рефлексии — от межъязыкового и межкультурного (от французской лингвокультуры к русской) к внутриязыковому — к созданию самостоятельных текстов при сохранении исходного замысла автора оригинала — рассказать эту же историю в других стилях, обогатив ее другими персонажами, понятными в родном языке и родной культуре.

«Новые упражнения в стиле» — результат творческих изысканий отечественных переводчиков, вдохновленных воздействием произведения Кено, которые сочинили 111 новых историй, описывающих ту же ситуацию в парижском автобусе. Приведем одну из них:

Сказочное

Было ль то, не было, а только рассказывают старики, что жил за семью морями, за три-девятью землями один молодой человек. Шея у него была длинная-предлинная, будто ему ее вытягивали, а шляпу, какую он носил, никто больше в том царстве-государстве не нашивал — круглая, мягкая, бечевкой кругоряд плетеная. И жил он в большом-пребольшом городе, и ездил в большом-пребольшом автобусе, где с ним вместе еще куча-мала народу ехала. И все они входили-заходили, пихались-толкались, ноги ему отдавливали. Терпел-терпел молодой человек, да не вытерпел. Как закричит: «Да что же это гой-еси, люди добрые делается! Пошто ж ты меня, мил-добр человек толкаешь, пошто ноги мне отдавливаешь? Тут однако впереди место сидячее освободилось, он к нему и бросился. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Два часа миновало как сон, и повстречался молодой человек со своим другом-приятелем, и дал тот ему совет дельный, насчет пуговицы, как ее на пальто шить-пришивать следует¹⁵.

Как видим, в данном случае переводчик становится автором, подражая его писательской манере, расширяя стилистическую гамму Кено, обогащая «энциклопедию стилей». Можно предположить, что русские тексты «Новые упражнения в стиле» станут предметом перевода на другие языки, включая французский. Так могут появиться «Сверхновые (новейшие) упражнения в стиле», что создаст уникальный текстовый континуум как отражение уникальности человеческого интеллекта.

Можно сказать, что в данном случае когнитивное пространство текста перевода как область знаний и представлений личности переводчика переросло в новое когнитивное пространство, как результат сознательной рефлексии личности в условиях иной языковой и культурной среды, приобретая иную коммуникативную значимость. Динамика когнитивных пространств субъектов переводческой коммуникации может рассматриваться в качестве основополагающего когнитивного механизма перевода. Постижение этой динамики стано-

¹⁵ Т.Б. Бонч-Осмоловская, И.С. Федин, С.А. Орлов. *Занимательная риторика Раймона Кено*. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.

вится возможным при условии мысленного создания переводческого пространства как одного из проявлений когнитивного пространства.

Мы заключаем, что переводческая когниция проявляется в том, что переводчик мысленно исследует поля переводческого пространства, транспонируя его гетерогенные смыслы, которые вовлекаются в синергетический процесс внутриязыкового/межъязыкового, внутрикультурного/межкультурного взаимодействия, что приводит к порождению качественного — гармоничного перевода. Переводческое пространство можно уподобить когнитивному пространству всех участвующих субъектов коммуникации, а сам перевод можно представить как когнитивный процесс, как вид языкового, культурного, личностного взаимодействия, возникающего в переводческом пространстве текста оригинала в процессе отражения системы гетерогенных эксплицитно-имплицитных смыслов в сознании переводчика, что обуславливает динамику, синергию, гармонизацию смыслов; результатом данного процесса становится такой текст перевода, который естественным образом вписывается в принимающую социокультурную среду, обеспечивая взаимопонимание коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам.

Можно предположить, что изучение когнитивных механизмов перевода послужит основанием для разработки множества разнообразных когнитивных моделей перевода.

Создавая концепцию переводческого пространства, мы исходили из положения о том, что единственно правильного перевода быть не может. В настоящее время мы убеждены в том, что не может быть единственного подхода к анализу процесса перевода и деятельности переводчика. Лишь разнообразие подходов позволит исследователям осознать этот сложный феномен.

Литература

- Болдырев Н.Н. *Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Курс лекций.* Тамбов: Издательский Дом Томского государственного университета имени Г.Р. Радищева, 2014.
- Бонч-Осмоловская Т.Б., Федин И.С., Орлов С.А. *Занимательная риторика Раймона Кено.* Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов.* Под общей ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 1996.
- Кушникова Л.В. *Теория гармонизации. Опыт когнитивного анализа переводческого пространства.* Пермь: Издательство Пермского государственного технического университета, 2009.
- Манакин В.Н. *Сопоставительная лексикология.* Киев: Знання, 2004.
- Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика.* Москва: АСТ — Восток-Запад, 2007.
- Рябцева Н.К. *Язык и естественный интеллект.* Российская академия наук. Институт языкознания. Москва: Academia, 2005.
- Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры.* Москва: Академический проект, 2001.
- Queneau R. *Exercices de style.* Paris: Gallimard, 1982.